

Бисенбай БИСЕНГАЛИЕВ

«Я – ГЕОЛОГОРАЗВЕДЧИК»

Очерки из книги

Ночная вахта

Юность! Безрассудная, бесстрашная! Мне было двадцать три года. Я окончил институт, и началась моя геологоразведочная жизнь. В первую же зиму я чудом ушёл от неизбежной смерти.

На буровом участке несколько дней не утихал сильный буран. Я верховой, и на нашей вахте не хватало рабочих рук. Для смены долота должны поднять всю колонну бурильных труб, снять изношенное долото, накрутить новое, затем заново спустить колонну и бурить дальше. Это не первая вахта, что работаем с малым количеством людей. Привыкли как-то к нехватке рабочих рук. Но мы понимали, как сложно справляться с работой в такую погоду. Установка шестидюймовых утяжёлённых бурильных труб (УБТ) за «палец» и вытаскивание из-за «пальца» является адским трудом для одного верхового. Это известно и бурильщику, но он молчит, знает, больше никому, и помощи извне не будет.

Кроме бурильщика есть ещё один человек, работающий внизу, на роторе, ему для установки свечей на подсвечник помогает моторист. Я же буду один наверху буровой вышки на высоте тридцать семь метров. По положению, второй верховой должен стоять на высоте двадцать пять метров (средняя люлька) и помогать мне. А в таких сложных ситуациях должен быть ещё и третий, который бы помогал при подъёме и спуске УБТ. Но их нет. По технике безопасности и охране труда при такой стихии и нехватке рабочих рук работать запрещается, но начальник буровой на это смотрит закрыв глаза, ему надо выполнить месячный план. Наш выпивоха бурильщик не может и слова вымолвить против начальника буровой. У него много грехов перед начальством. С другой стороны, при выполнении месячного плана бригаде выдавали премию, хорошие деньги. В итоге, помолвившись Всевышнему, мы начали работу.

Ветер такой силы, что невозможно стоять, я по маршевой лестнице карабкаюсь на четвереньках вверх. Подниматься опасно, но отказаться и спуститься вниз с первого пролёта не позволила честь, и, стиснув зубы, поднимаюсь выше. В нашей вахте нас четверо, я один казах. Бурильщик – осетин, первый помощник бурильщика – чуваш, моторист – чеченец. Все они опытные работники. Мне не хотелось, чтобы они говорили, что казахи трусливы... как я был молод!

Что я ощутил, пока поднимался до высоты тридцать семь метров, описать невозможно. Ночь. Шквалы ветра остервенело бьют в лицо, буквально скидывают с маршевой лестницы. Устрашающее действует воющий звук тросов талевого оснастки, кажется, будто вся пятидесятирёхметровая махина буровой вышки качается. Очень страшно! Я несколько раз останавливался, пережидая порывы, как говорят, вцепившись зубами в каждую ступеньку. Холод проник во всё моё тело.

Началась работа – подъём инструмента из скважины. Я устанавливаю за «палец» каждую свечу и стягиваю их с силой, чтобы не рассыпались. Меня одолевает страх, что связанные между собой свечи, ударяясь друг об друга, порвут нити, и разбросает их в разные стороны. К концу подъёма свечей я окончательно продрог и устал до изнеможения. Но только теперь начинался самый тяжёлый процесс. Подняв несколько свечей тяжёлых шестидюймовых УБТ, я должен их поставить за «палец», и после замены долота должен их вытащить из-за «пальца», завести в элеватор, закрыть дверцу элеватора и спустить их поочерёдно в скважину. С каким бы рвением и самоотверженностью ни трудился до этого, всё считается не таким трудоёмким, как собрать свечи шестидюймовых УБТ (утяжёлённых бурильных труб) за «палец» и вытащить их из-за него.

Наши трубы не соответствуют стандартам длины, всегда одна из них длиннее либо короче стандартной длины по ГОСТу. И материалы непрочные, когда стоят за «пальцем» в виде свеч, напоминают извилистые макароны. Из-за разной длины очень опасно вытаскивать свечи и заново заводить в элеватор. В те времена люльки для верхового устанавливали на определённую стандартную высоту. Во время работы нужно пристегнуть ремень безопасности и не разрешается перевешиваться за борт. Таковы правила. И если соблюдать все эти правила, невозможно работать. Во время работы со свечами разной длины ремень безопасности не пристёгивается (висит только для показа комиссии). Если верховой мал ростом, под его ноги ставят высокий деревянный шпал, и тогда он сможет свободно перевешиваться за люльку и доставать до элеватора, но если и так не сможет дотянуться до него, то с помощью специального крючка открывает и закрывает элеватор. Очень опасно, но все верховые применяют такой способ работы. Другого выхода нет. Были смельчаки, которые, не боясь такой высоты, свободно ходили по «пальцам», где собраны свечи, даже и по диагоналям буровой вышки без ремня безопасности. Слыхал, что один сорвался с высоты.

Через несколько лет и у нас появились передвижная люлька верхового (ПЛУ), автоматическая установка свечей (АСУ), механизм спуска и подъёма (МСП). Вместо наших отечественных труб появились японские – прочные, нестигающиеся, одинаковой длины. И когда их ставишь за «палец», муфты стоят на одном уровне. Любо-дорого смотреть. Но всё это было позже, мы же тогда и подумать об этом не могли!

В ту зимнюю буранную ночь, с непомерной силой, с помощью крюка я наконец-то установил эти проклятые тяжёлые шестидюймовые УБТ за «палец». Сменили долото. Теперь надо начинать спуск колонны. От пронизывающего холода и дождя вперемишку со снегом я так продрог, что моё тело окоченело как бревно. Обшивка верховой полати была старой, со множеством дыр, а после такого бурана на ней вообще не осталось живого места. Я стоял на ветру и дрожал. На полу, в железном корыте слабо горел огонь. Я специально развёл этот огонь для обогрева. Хотя временами я подливал солярку, тепло от огня грело только те участки тела, которые находились близко к нему. Остальные части тела вымораживал ураган. Чёрный, густой дым проникал в лёгкие. Светильник, который висел около полати и подавал хоть чуточку надежды, погас. Я будто остался один в безлюдном мире. Казалось, что я уже больше не вытерплю. Теперь горела только одна лампа у кронблока и вторая, ниже меня, на уровне полати второго верхового, и бурильщик уже не мог меня видеть. Я не знал, как теперь подать ему знак, показать, где и на каком уровне нужно остановить свободный талевый блок и элеватор. Когда горел мой светильник и элеватор подходил к удобному для меня месту, я мог руками подавать знак бурильщику (это такой условный знак всех верховых). Бурильщики знают, на каком уровне надо остановить лебёдку, чтобы элеватор находился на удобном уровне для верхового. Они это определяют по количеству навивки талевого каната на барабан лебёдки, потом по указанию

верхового координируют высоту талевого блока, чуть опуская или чуть поднимая. Но при таком бушующем буране, учитывая разность длин свечей (некоторые свечи еле достигают уровня пола люльки, а некоторые бывают выше человеческого роста над полатей), и если верховой один, то как ему заводить тяжёлые УБТ в элеватор, тем более в крошечной тьме?!

Бурильщик, опытный в таких делах, быстро сообразил, в чём дело, и передал мне, прицепив за элеватор, незажжённый факел и обёрнутую в толстый кусок кошмы трёхлитровую банку с горячим чаем. Теперь, с зажжённым факелом в руках, я мог подавать сигнал бурильщику, как матрос на мачте корабля флажками.

Я выпил горячего чаю, но согреться не получилось. Кое-как удалось спустить две УБТ-свечи более-менее нормальной высоты (только я знаю, насколько это было сложно). У следующей свечи муфта патрубка была очень длинной. Толстый аркан, удерживающий очередную свечу, стал влажным, жёстким от холода. Рукавицы на руках тоже стали жёсткими, и руки в них покраснели, отекли, а пальцы онемели и не разгибались. Я так сильно старался, собрал всю оставшуюся силу. Эту злополучную УБТ свечу сложно было и установить за «палец» при подъёме, теперь хочешь, не хочешь – надо эту дрянь вывести из-за «пальца», завести на высоко, очень высоко находящийся элеватор. При подъёме инструмента, в начале работ, у меня всё же были кое-какие силы, а теперь, после борьбы с холодным ветром, я чувствовал, что силы на исходе. Но я должен во что бы то ни стало спустить эти свечи. Подошёл элеватор, но чтобы заводить элеватор за патрубок, пришлось остановить тальблок высоко. Начал медленно отпускать аркан. Я должен успеть высвободить аркан до того, как свеча войдёт в дверь элеватора. Я весь перевалился за люльку, малейшая ошибка – и я сорвусь с этой высоты. Но я не думал об опасности, все мысли были устремлены на элеватор и свечу, и не заметил, как вместе с рукавицей между свечой и арканом застряла моя рука. Пронзительная, давящая боль. Тяжёлый вес свечи волок с огромной силой и уносил меня, вытаскивая из люльки на середину вышки. У меня не было сил, чтобы оттолкнуться обратно, опора из-под моих ног ушла, не понимаю, за что зацепиться, как отпустить тяжёлую свечу, и люлька всё дальше и дальше от меня. Мой мозг вопил: «Всё кончено». Но, видимо, моё пребывание на этом свете ещё не закончено. Я до сих пор не понимаю, как рукавица сошла с моих рук (это для меня до сих пор осталось загадкой, видимо, Аллах сберёг меня). Как только высвободились мои руки, я схватился за аркан, удерживающий свечу, и постарался оттолкнуться назад коленями, опираясь на верхний край полати. К моему счастью, свирепствующий в это время ветер с силой толкнул назад меня и талевый блок с элеватором и свечу вглубь полати, подальше от центра вышки, на мою сторону. Как только мои ноги коснулись пола люльки, я увидел прямо перед своим носом свечу и в суматошном состоянии, не веря своему спасению, всё-таки успел закрыть элеватор длинным крючком. Взмах факелом, элеватор с установленной свечой поднялся вверх, а я лежал на полу люльки и весь дрожал, охваченный страхом, замёрзший, с онемевшими руками и ногами. Слезы стекали ручьём в уши и тут же замерзали. Выпавшая рукавица улетела вниз.

Как я спасся? Если бы рукавица не сошла с руки, то УБТ-свеча своей массой в несколько тонн сорвала бы меня с люльки, и полетел бы я вниз с высоты тридцать семь метров и через мгновение лежал бы на роторе перед бурильщиком и остальными членами вахты. Я до сих пор удивляюсь, как я тогда уцелел! Как я продолжал работать и почему не спустился вниз, бросив всё от пережитого страха и холода?! И вообще, почему я не ушёл из бурения?? До сих пор не могу понять!

Мою рукавицу бурильщик отправил мне наверх, прицепив за элеватор. Спуск труб продолжался, будто ничего необычного не произошло. К утру успели спустить трубы и дойти до забоя. Эта ночь была очень длинной, и трубы спускали очень долго. Даже свечи с обычными трубами спускали долго. При подъёме ветер

качал свободный талевый блок в разные стороны, он качался то назад, то подходя близко к люльке, иногда чуть не попадая под люльку. Очень сложно на такой качающийся элеватор попасть свечой, но если сумеешь подхватить его вовремя, когда он подходит близко, то в этом есть большая польза. Но, по сравнению с той адской мукой УБТ-свечами, эта работа кажется лёгкой.

Я не знаю, как спустился вниз. Не помню, как подчинил себе свои окоченевшие как бревно руки и ноги. Никто даже не заметил мою самоотверженность, не пожалел и не обратил внимания. Не похвалили и даже не дали медаль, хотя бы деревянную! Даже наши сменщики из дневной вахты не удивились, не спросили: «Надо же, как вы смогли произвести СПО (спуско-подъёмные операции) при нехватке рабочих рук и при таком бушующем буряне?» Видимо, радовались, что это случилось не в их смену! Но им тоже в то время приходилось несладко.

Когда я спустился, бурильщик подал мне сигарету, и мы с ним закурили. Такой жест с его стороны был как бы наградой и почётом в мой адрес, он-то, выдавший виды опытный бурильщик, понимал, какую я адскую работу провёл в эту бурную ночь.

Умываясь в вагончике, я глянул в зеркало. На меня смотрело неприглядное чудовище с копчёным лицом, у которого блестели только зубы и глаза. Ещё целую неделю я отхаркивал черной мокротой. Не знаю, как, но я после того случая не заболел, даже не чихнул, и температура не поднималась.

Долгая зимняя ночь

Это было через год после той ночной вахты. К тому времени я стал уже бурильщиком. Основная часть нашей вахты переехала на следующую буровую площадку. Нужно было на новом участке принять от монтажников и подготовить к пуску смонтированную буровую установку. Новый участок находился где-то в 100-120 километрах от нас.

Мою вахту из пяти человек оставили для завершения работы на законсервированной скважине. Посёлок полностью переехал. Нам оставили один хиленький вагон, немного еды, состоящей из сухого пайка и сигарет. Солянки для дизелей оставалось мало, но этого должно было хватить.

В нашу задачу входило «нащупать» установленный последний (верхний) изоляционный цементный мост в скважине на глубине около 400 метров, в технической колонне, после ОЗЦ (ожидания затвердения цемента). После этого на устье скважины поставить «памятник»¹. И ещё нам остаётся очистить чаны от остатков бурового раствора и подготовить установку для демонтажа.

Рацию забрали. Если мы здесь успеем за пять дней закончить оставшуюся работу, то и нас перевезут на тот буровой участок. Свечей за «пальцем» оставалось немного, примерно штук десять.

Для нащупывания цементного моста мы спустили бурильные свечи из-за «пальца» в скважину до кровли предполагаемого цементного моста, дали нагрузку для определения устойчивости моста. Убедившись, что мост есть на расчётной глубине, выдерживает нагрузку и устойчив, начинали подъём свечей из скважины с разборкой их на отдельные трубы. Разборка и раскрепление бурильных труб шли туго, «памятник» на устье мы поставили.

Стоял лёгкий мороз. Безветренно. Настоящая зима с хрустящим снегом под ногами. Все дизели работали в обычном режиме. Свет есть, тепло и еда тоже. Мы

¹ «Памятником» называют цементную тумбу кубической формы, размером 1 × 1 × 1 метр, с металлической табличкой на макушке. На табличке сваркой пишется название площадки, номер скважины и дата начала и окончания бурения. Устье «сухих» скважин оборудуется вот такими «памятниками». «Памятник» ставится на торчащую из скважины часть последней технической колонны, на место прежнего превентора. «Сухой» считается скважина, не имеющая признаков нефти и газа на ожидаемом горизонте.

трудились не покладая рук. Но в одну из ночей ударил мороз, а днём заглохла электростанция. Наша единственная электростанция с дизелем У1-Д6 мощностью 100 кВт. давно отработавшая свой срок службы, дышала на ладан, и работала только благодаря умелому обслуживанию опытных мотористов и механиков буровой бригады. Как выяснилось, солярка, предназначенная для летнего сезона, стала густой, как желатин. Заново завести двигатель не удалось. От бригады нашей вестей не было, запас продуктов заканчивался. Мороз усилился, началась метель, и дорога стала непригодной для движения машин. Мы были в замешательстве. Вся надежда на помощь переехавшей бригады.

Днём сидим, греемся, беседуем, пьём чай, рассевшись возле огня, разведённого в насосном сарае буровой установки, чтобы хоть как-то укрыться от снежной метели и холода. Закончились продукты. Все трудности начались ночью. Невозможно было всю ночь сидеть в насосном сарае и греться у огня. Ночью приходили в свой вагончик и лежали в рабочей одежде и сапогах, свернувшись калачиком, укрываясь толстым матрасом. Вагон служил только как укрытие от ветра, а когда голоден, мёрзнешь ещё сильнее. Так мы терпели два дня и две ночи. Последняя ночь была очень длинной, и рассвет никак не наступал. Мы, обессиленные, дрожа от холода и голода, лежали уже не вставая. Холод и голод довели нас до полусонного, полубморочного состояния. От свиста ветра и бесперебойных ударов бурана об обшивку вагона мы не слышали звук машины.

Увязнув несколько раз в дороге, без конца очищая по пути снег, наши спасатели приехали под утро, добираясь до нас двое суток. Мы поели, покурили, попили горячий чай и понемногу пришли в себя.

Кузя

Шёл процесс бурения очередной скважины. Наш начальник буровой слыл человеком строгим и требовательным, но за ним водилась одна слабость – он любил охотиться. Несмотря на усталость после смены, он ступал широкими шагами в поле и исчезал за горизонтом. В очередной раз он вернулся, неся в руках молодого степного орла с перебитым крылом, примерно пяти месяцев от роду.

На следующий день мы всей шумной толпой провели осмотр раненого. У него было сломано крыло, и он был настолько слаб, что еле ходил. Оказалось, начальник буровой был не только специалистом бурения, но также ветеринаром от бога. Выросший в степи, он вместе с дедом часто ходил на охоту и тогда познал все азы оказания первой помощи раненым животным. Врач-охотник удалил ножницами перья и наложил на крыло пшину. Для нового члена бригады подобрали уютное место в уголке вагончика. Но вольная птица поступила по-своему. Вопреки всем требованиям правил безопасности орёл совершил обход всей территории и сам нашёл себе место.

Орёл на глазах пошёл на поправку. Аппетит у него был отменный. Мы соорудили ловушки и специально для него ловили сусликов, змей и птичек. Каждый день на столе у Кузи – так мы его и прозвали – был свежий ассортимент живности. Кузя игрался со своей добычей, как кошка с мышью, но лишь только мы уходили с поля его зрения, как он сразу набрасывался на них, разрывал на части острым клювом и с клёкотом заглатывал.

Так со временем Кузя стал полноправным членом нашей бригады. Его несколько не пугал грохот буровой установки, уханье воздуха под высоким давлением и рёв дизельных двигателей. Некогда желтоклювый птенец, с жалобным писком просящий себе пищу, он вырос в крылатого хищника с тёмно-бурым оперением и мощным изогнутым клювом. Каждый день после своей охоты на грызунов он возвращался в одно и то же время, точно к завершению дневной смены, на бригадный стан. С важным видом садился на верхушку привышечного крана (8 КПБ-3), откликаясь кивком головы на приветствия наших ребят, а затем вместе с ними летел в посёлок, подводя итог трудового дня.

С появлением Кузи наша будничная монотонная жизнь в бескрайней степи стала ярче. Если раньше мы ждали окончания рабочей смены с мыслями об отдыхе, то теперь шли с надеждой увидеть ожидающего нас Кузю и помахать ему в знак приветствия, а потом в дороге, перебивая друг друга, рассказывать о том, с каким выражением он посмотрел в его сторону. Он стал неким связующим звеном между нами и родными, которые ждали нас дома. И самое главное, что объединяло нас всех в тот момент, это беспокойное участие в судьбе нашего воспитанника-орлёнка.

Нам было неведомо, как Кузя мог знать время окончания дневной смены. И почему он, находясь на воле, всегда прилетал к нам снова и снова, даже тогда, когда мы переехали на новую буровую площадку.

Через какое-то время меня перевели на другое месторождение, и я не знаю, как дальше сложилась судьба нашего Кузи.

Красотка

Мы бурили скважину на «Ащытайпак-2». Старшие товарищи от души радовались за меня, подшучивая надо мной, вслух отмечали, что я стал широк костью и нарастил мускулы; бледный и щупленький парень покрылся темным загаром. Они также заметили, что движения мои приобрели уверенную меткость, а в глазах отразился огненный блеск – «от жанып түр», и речь моя, утратив юношескую невнятную застенчивость, стала краткой и точной, как удар кувалды по свае. Все они стали для меня близкими, как родные. Буровая же стала для меня второй семьёй, где ковался и закалялся, как сталь, мой характер.

В наших краях каждый год в весеннюю пору розовые фламинго совершают ночные перелёты. Методом нехитрого умозаключения бригада, где я работал буровым мастером, пришла к выводу, что, скорее всего, они спасаются от орлов, которые ведут дневной образ жизни. Но так эти прекрасные пернатые создания оказывались между Сциллой и Харибдой: ускользали от хищных орлов, но, летя в ночной тьме, с лёгку бились о железные канаты, удерживающие буровые установки, и падали замертво. Или в чанах, куда выливают буровой раствор, образовывался предательский водоём из нефти и жидкой грязи, а птицы принимали его за озерцо, садились и застревали в этой клейкой жиже.

Буровики как могли оказывали помощь оставшимся в живых перепуганным птицам. Вытащив из нефтяного болота, чистили их от липкой грязи, лечили сломанные крылья. Большинство их благополучно улетело, но одна долго не могла взлетать, низко кружила вокруг ёмкости с питьевой водой возле столовой в нашем степном посёлке.

В бригаде ей дали прозвище Красотка. Мы соорудили ей специальный маленький бассейн, чтобы она могла там вволю плавать и купаться. Красотка придавала особый шарм нашему посёлку, она перестала сторониться людей и даже подружилась с собаками, которые жили рядом с нами. В свободное от работы время рабочие только и говорили о Красотке, она была забавой и утешением для них после тяжёлого рабочего дня. Все мы искренне радовались, что у нас жила такая красивая и редкая птица.

Да и она была не промах. Вечером, когда рабочие после дневной смены сидели в беседке, пили чай и с нескрываемым восторгом и обожанием смотрели на неё, она, как бы зная, что любима и что все восхищаются ею, горделиво и грациозно вышагивала перед нами, будто была одной-единственной на этом белом свете. Красота и изящество всегда благотворно действовали на людей, и тому подтверждением служил тот факт, что некоторые наши товарищи, имея сложный и непокладистый нрав, с появлением Красотки начали меняться в лучшую сторону. Красотка стала нашей гордостью и достоянием, к ней начали приезжать соседи-чабаны с детьми. Осенью, в период моего отпуска, Красотка покинула нас, улетев

со своей стаей, и жизнь опять вернулась в будничное русло. Нам казалось, что мы потеряли дорогого нам члена бригады. Долго ещё во время чаепития мы только и говорили о ней, как о юной красавице, покинувшей отеческий уголок, не в силах её забыть. Не зря говорят, что «красота спасёт мир!».

Через несколько лет, пролетая над заливом «Комсомольский», я увидел стаю фламинго, летящую ниже нашего вертолётa. Какое же это было божественное зрелище на фоне голубого неба! Велик творец, что создал такую красоту!

Эскорт

Эта история из моей жизни произошла в конце восьмидесятых годов. Я был одним из руководителей нефтеразведочной экспедиции. Тогда в СССР начинался экономический хаос. В целях экономии бюджета предприятия перевозку своих работников мы производили автотранспортом и поездами, отказавшись от дорогостоящих услуг воздушного транспорта. Таким же образом доставляли необходимое оборудование для буровых работ.

Помню, в день, когда начали праздновать Наурыз, колонна из нескольких Уралов и «лапчатых» КРАЗов², гружённых ГСМ, запчастями и продуктами питания, выехала из Ералиева. Весна в том году была запоздалой, и когда мы подъезжали к посёлку Жетыбай, начал падать снег. Жители аула пели, танцевали, готовили возле юрт в больших казанах наурыз коже, ведь впервые в стране объявили Наурыз общенациональным праздником и разрешили отмечать. Все веселились, не обращая внимания на снег.

Мы двинулись в сторону плато Устюрт, где стояли наши буровые установки на месторождениях Еликожа-Уэлі, Арыстанов, Карақұдық. Им срочно были нужны наши грузы, работа на буровых была на грани остановки.

Доставку грузов я планировал начать с месторождения Елікожа-Уэлі, которое находилось возле Сай-Утеса, там проводилось глубокое бурение. Снег уже шёл вперемешку с дождем, дорогу развело, машины то и дело вязли в грязи. Оставив колонну с грузом у седьмого разъезда, я пересел на КРАЗ и вместе с бензовозом «Урал», груженным соляжкой, поехал дальше. Первым встал «Урал». Решили поехать на КРАЗе. Нам бы добраться до буровой, а там отправили бы трактор для буксировки увязнувших в грязи машин.

Вот и буровая маячит вдаль. И тут наша хваленая, надёжная машина КРАЗ «лапчатый» осела в грязи в низине. Я решил пойти до буровой пешком, а водитель остался возле машины, решив немного подкопать под колесами или подложить траву, словом, действовать хоть как, чтобы вытащить её.

На мне была геологическая куртка, сверху жёлтый геологический плащ-ветровик, на ногах геологические сапоги, а на ремне длинный, с костяной рукояткой, двухсторонний, с кожаными ножнами кинжал. Настоящий кинжал, холодное оружие! Его сделал мой друг чеченец Сулейман из рессоры от машины КРАЗ. Я его ни разу не оставлял дома, всегда брал с собой, а в командировках хранил на дне своей дорожной сумки.

Я забрался на холм и, посмотрев вдаль, убедился, что до буровой совсем не близко. Прошлогодня трава под снегом оказалась густой и мешала при ходьбе, вдобавок трудно было оттирать ноги от промокшей земли. Я устал и присел на траву. Только собрался закурить, как увидел краем глаза двух собак, сидящих неподалёку от меня. «Наверное, эти собаки с буровой, ведь она уже почти рядом». Пока курил, внимательно наблюдал за собаками. А они сидели неподвижно и на расстоянии друг от друга. И тут меня пронзила страшная мысль – волки! Неужели меня разорвут, и я умру в этой безлюдной степи? Не подавая виду, что

² Это КРАЗы с широкими шинами больших диаметров, по проходимости не уступающие тракторам.

испугался, я вытащил кинжал и привязал его к правой руке, чтобы он не выпал при схватке. Зная, что волки больше всего боятся огня, обернул рукавицей толстую ветку полыни и достал зажигалку. Я не знал, смогу ли я воспользоваться всем этим, но подготовился по мере своих возможностей. Волки продолжали неподвижно сидеть. Время неумолимо двигалось к вечеру, ещё немного, и моё положение станет хуже не бывает. Я собрался с духом, встал и пошёл. Волки последовали за мной.

На буровой увидели вдаль силуэт человека, идущего с двумя собаками, подумали, что это пастух из ближайших аулов и послали за мной трактор, Волки исчезли.

Трактор вытащил увязший в грязи КРАЗ, и оба приехали на буровой участок. Водитель КРАЗа рассказал мне, что эти волки сразу последовали за мной, как только я пошёл пешком. Он всё это видел и мучился, что не может сказать мне об этом. Я прошёл пешком пятнадцать километров примерно за четыре часа, и всё это время меня сопровождал волчий эскорт.

Волшебная мелодия

Хочу поделиться воспоминаниями ещё об одной истории, которая произошла на том же «знаменитом» участке бурения «Ащытайпак». Тогда я ещё работал буровым мастером бригады глубокого бурения. Лето. В работе долгое время простой (мы завершили бурение скважины и ждали каротажников для проведения окончательных работ). Уборку территории провели, профилактические и смазочные работы выполнили. Все дизели в целях экономии топлива в дневное время отключили. Погода прекрасная. Вокруг непривычная тишина.

В один из дней я сидел в своём вагончике и читал книгу, и вдруг услышал приятную, тянущуюся мелодию, не похожую на магнитофонную запись. Она будто лилась с небес волшебным, чистым звуком. Я долго сидел, слушая чарующую мелодию, и решил узнать, откуда этот звук. Как только я вышел из вагончика, он прекратился. Я вернулся к себе, и музыка опять зазвучала. Я опять вышел, мелодия тотчас прекратилась. Я понял, что звуки музыки прекращаются при моем появлении, зашёл в вагончик и долго слушал, не выходя из него. Будто из космоса изливались чарующие звуки восточной, европейской, классической музыки. Я, прослушав ещё достаточное время эти прекрасные мелодии, пошёл в сторону буровой, так как музыка шла оттуда. Мелодия прекратилась сразу, как только я направился в сторону буровой. Я увидел, что среди буровиков дневной вахты нет азербайджанца. Он был скромным симпатичным парнем родом из Туркмении. Бурильщик, догадавшись, зачем я пожаловал к ним, кивнул в сторону кронблока, верхушки буровой вышки. Я, молодой, привыкший к черновым работам, без труда поднялся на высоту в пятьдесят три метра. Оттуда открывается прекрасный вид бескрайней степи. Я постоял, любуясь этой красотой, а парень встал, думая, что я его буду ругать. С некоторым стеснением он рассказал мне, что музыкант и играет на флейте, а на такую тяжёлую работу устроился в целях заработать. Он показал свою флейту. Инструмент оказался красивым, и футляр смотрелся изящно. Я попросил его сыграть. Тут он уже без смущения, с сияющим лицом начал играть! И снова зазвучала волшебная мелодия! У меня нет слов, чтобы описать, какие чувства я испытал. Мы сидели на самом вершине буровой вышки. Он играл очень вдохновенно, старательно, а я слушал! Я, про которых говорят «медведь на ухо наступил», не умеющий играть ни на каком инструменте, люблю звуки домбры, русский баян, татарскую гармошку, готов бесконечно слушать блюз на саксофоне, но не знал до этого времени звуки флейты. Я был удивлён и очарован её нежностью. Не ожидал, что этот скромный молодой рабочий окажется музыкантом и имел такой талант! Талант – Божий дар! Как его сберечь в наших условиях? Его длинные, умелые, нежные пальцы после нашей грубой, тяжёлой

работы, требующей непомерной силы, могут отвыкнуть играть на флейте. Так и хочется сказать: «Ох, жизнь наша брeнная!»

Но я не был сильно удивлён судьбой этого парня, ведь и до этого случая я встречал много людей с разными судьбами. Один моторист, работавший у нас, раньше руководил оркестром в большом городе, был талантливым музыкантом. Во время отпуска он бесперебойно пил и, приехав на вахту, ещё некоторое время «гнал» – он максимально устанавливал газ во всех дизелях буровой установки и дирижировал перед дизелями как будто перед оркестром. Но когда трезвый, слышал любые сбои в работе каждого дизеля по звуку. И каждый дизель по звуку настраивал под одну волну, так что все дизеля работали в унисон. У него был отменный слух, такое мастерство не каждому под силу.

Был у нас и бывший фронтовик, танкист, по прозвищу Майор. И ещё один рабочий, по прозвищу Секач, который служил в торгово-морском флоте и на Дальнем Востоке в рыболовно-охотничьем флоте капитаном. Он часто плавал в Японию, Корею и другие страны. Был ещё один инженер, который долгое время руководил где-то большой шахтой, наши прозвали его Кувалдой. Был среди нас и шеф-повар ресторана. И циркач, который долго проработал в цирке. Он протягивал между опорами (ножками) буровой установки тонкий стальной трос и ходил по нему, балансируя, брал в руки шарики от подшипников и умело жонглировал, ещё и проделывал разные фокусы с картами. Он и меня научил некоторым фокусам, я до сих пор умею и помню их! Один из моих вот таких знакомых знал наизусть целые поэмы А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и произведения других классиков. Они были грамотными, с высшим образованием, только ставшими зависимыми от алкоголя людьми. Через это познали жизнь горькую, лишились семьи и родных, порой отсидев за решёткой немалый срок. Среди них были и обиженные на свою жизнь, и те, кто молча принял свою участь. Отсидев в зонах города Шевченко, многие не хотели показываться родным, а устраивались к нам на полевую работу. Родственники не знали, где их искать. У некоторых дети занимали хорошие посты, я об этом узнавал, когда они умирали и мы искали в их документах адреса родных, чтобы отправить телеграмму. Эти люди никогда не рассказывали о своих ошибках, и как по кривой пошла их жизненная дорога. В весёлых посиделках они всегда говорили красиво, грамотно, интересно, но о личном – никогда, ни слова, сколько бы ни напивались. Вот она, жизнь! Состоит из чёрной и белой полосы, и лишь одному Богу известно, где споткнёшься, где сможешь пройти испытания и встать на правильный путь!

Нешауа

В детстве, когда мы падали и плакали от боли, старшие нашего аула успокаивали нас: «Ой, ты же джигит, скажи “нешауа”, и всё пройдет, ничего не будет, и боль пройдет». И я, следуя этому совету, говорил волшебное слово «нешауа» и всё быстро забывал. Мы проводили буровые работы на плато Устюрт, в местностях Бейнеу, Боранкул, пески Сам, Төнірекшың, Мертвый Култук, Сазтобе, Елемес... Там зима всегда снежная, буранная. Не сравнить с теплой, бесснежной низменностью Мангистау на побережье моря. Там, на плато, природа суровая и летом и зимой. Во многом помогало это волшебное слово моих аульчан – «нешауа».

Много чего было в моей геологоразведочной жизни. Были трудности, посланные мне как испытание. Я нашёл в себе силы, преодолел их, не отказался от жизни геологоразведчика и продолжал работу. Я – Геологоразведчик.

Подготовила Татьяна БАКАНОВА